

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XI

Экспресс-выпуск • Express-issue

2002 № 192

СОДЕРЖАНИЕ

- 699-710 О питании птенцов и гнездовых повадках
поползня *Sitta europaea*. А. В. БАРДИН
- 711-716 Первая гнездовая находка балобана
Falco cherrug на крайнем юго-западе
Уссурийского края. А. Б. КУРДЮКОВ
- 716-718 Заметка о некоторых птицах Псковской
губернии. Е. И. ИСПОЛАТОВ
- 718 О встрече степного луны *Circus macrourus*
в окрестностях Санкт-Петербурга.
И. Б. САВИНИЧ
- 719 Уссурийский зуёк *Aegialitis placida* Gray.
С. А. БУТУРЛИН
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Санкт-Петербург 199034 Россия

Volume XI
Express-issue

2002 № 192

CONTENTS

- 699-710 On nestling diet and nesting habits of the wood
nuthatch *Sitta europaea*. A.V.BARDIN
- 711-716 The first breeding record of the Saker falcon
Falco cherrug in southwestern Ussuriland.
A.B.KURDIUKOV
- 716-718 Notes on some birds of the Government of Pskov.
E.I.ISPOLATOV
- 718 The record of the pallid harrier *Circus macrourus*
in the neighbourhood of St. Petersburg.
I.B.SAVINICH
- 719 The long-billed ringed plover *Aegialitis placida* Gray.
S.A.BUTURLIN
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

О питании птенцов и гнездовых повадках поползня *Sitta europaea*

А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 2 августа 2002

Настоящие поползни широко распространены в лесах и горах Голарктической и Индо-Малайской областей. Наиболее разнообразны они в Южной Азии, где обитает 15 из 24 выделяемых в настоящее время видов рода *Sitta* (см.: Harrap, Quinn 1996). Некоторые виды поползней имеют очень ограниченное распространение. Таковы открытый в 1975 году кабийский поползень *Sitta ledanti*, известный из четырёх лесных массивов в горных хребтах Телль-Атласа в Алжире, эндемик Корсики *S. whiteheadi*, а также белобровый поползень *S. victoriae*, обитающий только на горе Виктория в горной системе Аракан-Йома в Бирме.

Самый обширный ареал среди поползней имеет евразийский *S. europaea*. Формы, включаемые в настоящее время в состав этого политипического вида, распространены на северо-западе Африки (системы горных хребтов Эль-Риф и Средний Атлас в Марокко) и на огромных пространствах Евразии от Пиренейского полуострова, южной половины Великобритании и Скандинавии до Камчатки, Сахалина, Курил, Японских островов и восточного Китая, включая о-в Тайвань, на полуострове Малая Азия, Кавказе, в Эльбурсе, Загросе, небольшом участке восточного Тянь-Шаня.

В пределах своего громадного ареала обыкновенный поползень образует около двух десятков географических рас, входящих в большой комплекс форм (всего их описано более 60). Разные систематики рассматривают формы этого сложного комплекса в составе разного числа видов (и даже родов — Бутурлин 1916). В последней сводке (Harrap, Quinn 1996) самостоятельными видами признаются *S. europaea* Linnaeus, 1758, *S. nagaensis* Godwin-Austen, 1874, *S. cashmirensis* Brooks, 1871 и *S. castanea* Lesson, 1831. Ч.Вури (Vauri 1959) рассматривает их всех как один вид. М.А.Воинственский (1954) первые три объединяет в один вид, включая в него ещё и форму *yunnanensis* Grant, 1900, а *castanea* считает самостоятельным видом. По всей видимости, систематика этого комплекса будет ещё неоднократно пересматриваться.

Здесь важно обратить внимание на то обстоятельство, что хотя обыкновенный, или евразийский поползень и считается хорошо изученной птицей, это справедливо лишь для немногих европейских рас, прежде всего из группы “*caesia*”. Экология же большинства остальных форм на основной части ареала этого политипического вида остаётся совершенно не исследованной. В том числе и в отношении питания и трофоценотических связей,

которые, как известно, определяют положение вида в экосистеме и многие особенности его биологии (Новиков 2001; Рахилин 2001). Что же касается птенцового питания, то в этом отношении все формы поползня изучены очень плохо, что связано с труднодоступностью гнёзд в естественных дуплах и редким гнездованием этих птиц в искусственных гнездовьях. На всём Северо-Западе России этот вопрос изучал только Э.В.Гавлюк (1972), наблюдавший за одним гнездом поползня в Ленинградской области.

В данном сообщении описаны наблюдения за выкармливанием птенцов в одном гнезде поползня* на Куршской косе (Калининградская обл.) в 1982 году. Работа является частью исследований по питанию птенцов разных видов птиц, проводившихся на Биологической станции Зоологического института в пос. Рыбачий. Методика сбора и обработки материала подробно описана ранее (Бардин и др. 1991).

На Куршской косе поползень малочислен. В широкой части косы у пос. Рыбачий, где сохранились участки широколиственного леса с липой, дубом, грабом, ясенем, в 1980-1990 обитали 2-3 пары этих птиц. Хотя с 1980 года в лесах российской части косы мы начали массовую развеску дуплянок, число которых вскоре превысило 1 тыс., в дощатом искусственном гнездовье поползни гнездились лишь один раз, в 1982. Они заняли дуплянку, где до этого два года подряд гнездились мухоловки-пеструшки *Ficedula hypoleuca*. Гнездовье располагалось на чёрной ольхе на высоте 3 м в черноольшанике, подтопленном благодаря деятельности бобров. Гнездовой участок поползней захватывал также зарастающий болотистый луг, два небольших заболоченных озера, березняк, участок елового леса с примесью осины и берёзы. Примерно в 0.7 км начинался сосновый лес.

Весьма своеобразно при размножении в скворешнице проявились характерные повадки поползня, связанные с выбором и обустройством гнездового дупла. Как известно, эти птицы чаще всего занимают старые дятловые дупла, предпочитая те, леток которых уже “заплыл” и стал узким. При этом они почти всегда поселяются там, где в одном или нескольких рядом стоящих деревьях имеется не одно, а сразу несколько дупел. Поэтому гнездящиеся пары нередко оказываются в тесном соседстве с другими дуплогнездниками, обычно опережая их в сроках размножения. В наблюдавшемся случае поползни тоже поселились на участке, где в пределах видимости

* Как известно, в Прибалтике у поползней прослеживается постепенный переход от рыжегрудой формы *S. e. caesia* Wolf, 1810 к белогрудой *S. e. europaea* Linnaeus, 1758. В прошлом переходные формы даже рассматривались как особый подвид *S. e. homeyeri* Seebohm, 1890, восточную границу распространения которого М.А.Воинственский (1954) условно проводит по восточной части Белоруссии и Псковской обл. При этом самые восточные из этих переходных форм одно время даже выделялись в особый подвид *S. e. stolzmanni* Domaniewski, 1913. Для Восточной Пруссии Л.А.Портенко (1954) указывает форму *homeyeri*, а для Литвы и Белоруссии — *stolzmanni*. Согласно А.В.Федюшину и М.С.Долбику (1967), в Белоруссии наиболее обычны поползни формы *europaea*, тогда как *homeyeri* встречаются в основном во время кочёвок осенью и зимой и очень редко попадают летом. В связи с этим интересно отметить, что наблюдавшиеся мной на Куршской косе поползни, которые были отловлены и окольцованы, имели окраску оперения, типичную для *europaea*.

было вывешено пять дуплянок, а одна висела в 3 м от занятой ими, и в ней гнездились скворцы *Sturnus vulgaris*.

Из всех наших дуплогнездников, поползень предпочитает дупла с самым узким летком. В занятых им дуплах средний диаметр входного отверстия, по наблюдениям в разных регионах, составляет 2.8–3.1 см (Löhr 1957, 1958; Нечаев 1991; Cramp, Perrins 1993), а в отдельных случаях может быть и ещё меньше — 2.3 (Султанов, Мухтаров 1995) и даже 2.2 см (Бардин 1983). Сами поползни в такие летки пролезают с видимым трудом. Поэтому для них важно, чтобы края входа были гладкими, чего они, — способные как долбить, так и “штукатурить”, — могут добиться сами.

Находившаяся под наблюдением пара заняла просторное дощатое гнездовье с узким летком (дно 12×12 см, расстояние от нижнего края летка до дна 20 см, диаметр летка 3.0 см). Края летка дуплянки были подолблены. По моим наблюдениям на Северо-Западе, такое ошипывание краёв летка типично для поползней и наблюдается даже в тех случаях, когда леток частично замазывается глиной. При необходимости поползни могут значительно расширить леток, но даже если этого не требуется, его края они всегда немного раздалбливают и ошипывают, как это делают многие синицы. Возможно, такая маркировка имеет демонстративное значение (сигнал, что дупло занято)*. Как и многие синицы, поползни способны не только расширять леток, но и расчищать полость дупла, выбрасывая остатки старых гнёзд, удаляя гнилую древесину. В рассматриваемом случае из дуплянки был тщательно удалён материал прошлогоднего гнезда мухоловки-пеструшки. Иногда поползни настолько значительно расширяют полость дупла в трухлявой древесине, что можно говорить даже о самостоятельном его изготовлении (Воинственский 1954; Löhr 1957, 1958, 1988). Однако обыкновенные поползни никогда не начинают долбить дупло “с нуля”, они используют уже имеющиеся углубления на месте выгнившего сучка, начатого дятлового дупла и т.п. К тому же значительное расширение полости дупла у *S. europaea* — случай исключительно редкий (как, например, у *Parus major*). В то же время среди поползней, как и среди синиц, есть виды, для которых самостоятельное выдалбливание дупел является правилом, например, *S. pusilla*, *S. pygmaea*, *S. krueperi*, *S. canadensis*, *S. whiteheadi*.

Другая особенность гнездостроительного поведения поползней — использование глины, навоза, мякоти ягод, смолы и млечного сока деревьев в качестве замазки для сужения летка и заделки щелей. Виды, выдалбливающие дупла самостоятельно, “замазку” совсем не используют или делают это очень редко, тогда как *S. neumayer*, гнездящийся на скалах, практически все стены гнездового укрытия лепит из глины, которой может натаскать

* Например, 19 мая 2002 в окрестностях г. Печоры Псковской обл. я нашёл гнездо поползня с птенцами в старом дупле *Dendrocopos major* в стволе осины на высоте 6 м. Расширившееся в подгнившей древесине входное отверстие было заделано стенкой из красной глины, возведённой изнутри. В этой ровной, испещрённой следами работы клюва стенке было оставлено аккуратное отверстие диаметром около 3 см. Наружные края летка, сделанного ещё дятлом, были недавно основательно подолблены и ошипаны до живой древесины. Очевидно, это сделали поползни, хотя никакой нужды в расширении летка в данном случае не было.

несколько килограммов. У *S. europaea* использование “замазки” проявляется в разной степени. В Псковской и Ленинградской областях *S. e. europaea* редко используют глину в существенном количестве, и обмазка носит скорее такой-же ритуальный характер, как и ошпывание краёв летка. Например, в начале апреля 1976 я наблюдал за парой поползней в окрестностях Печор. Она поселилась в старой дуплистой осине в сосновом лесу, выбрав старое дупло *Dendrocopos major* с узким, заплывшим входом. Ни в дупле, ни по краям летка обмазки никакой не было. Однако в первые два-три дня после начала выстилки лотка приходилось видеть, как самка брала из лужи на лесной дороге глину и мазала ею кору дерева в полуметре от входа в гнездовое дупло. Похоже, что птица смогла найти глину нужной кондиции только после дождя, а найдя, стала лепить её “просто так”, совершенно не используя для укрепления самого дупла. На подобные случаи “бессмысленной” обмазки у поползня орнитологи уже не раз обращали внимание (Löhr 1957, 1958, 1988; Благодослов 1991, Султанов, Мухтаров 1995).

В случае на Куршской косе подобная деятельность поползней проявилась, можно сказать, в гипертрофированном виде. Крышка дуплянки, где они загнездились, вращалась на большом гвозде, вбитом в одном углу, а в противоположном крышка была “прихвачена” маленьким гвоздиком. При осмотре крышку чуть поднимали и поворачивали. Естественно, между крышкой и стенками дуплянки оставалась щель. Она и была основательно замазана глинистой землёй, которую поползни брали с находившейся рядом бобровой плотины. Края летка и внутренняя часть дуплянки остались совершенно чистыми. При первом же осмотре гнезда во время насиживания слой глины был нарушен. Поползни на следующий же день обновили обмазку. Когда началась работа с птенцами, крышку дуплянки приходилось открывать очень часто. Обмазка каждый раз разрушалась, но поползни постоянно её обновляли, причём с каждым разом наращивали её толщину. В конце концов они стали не просто замазывать щель, а ежедневно возводили практически полный свод под крышкой гнездовья. Сначала птицы использовали для этого глинистую землю, которую собирали на бобровой плотине и бортах прочищаемых бобрами канав. Потом, когда подросла трава и начался выпас коров, стали применять в качестве шпатлёвки вещество коровьих “лепёшек”, перемешивая его с землёй. Эта деятельность отнимала у птиц много времени, тем не менее они продолжали её вплоть до того дня, когда птенцам исполнилось 16 сут и работа с ними была прекращена.

Удалось заметить, что в штукатурных работах принимал участие и самец, хотя обычно считают, что обустройкой дупла и строительством гнезда у *S. europaea* занимается одна самка. Однако в литературе мнения по этому вопросу расходятся, и он требует специального изучения. Среди других видов рода *Sitta* описано большое разнообразие в характере участия полов в строительстве (правда, детальных наблюдений мало). Так, у *S. krueperi* дупло обычно выдалбливает самка, хотя порой в этом участвует и самец (Поливанова 2000). У *S. pusilla*, наоборот, дупло долбит только самец. У *S. whiteheadi* дупло выдалбливают оба члена пары. У *S. neumayer* гнездо лепит самец, самка лишь изредка приносит материал для выстилки лотка, а у *S. tephronota* строительством занимаются оба члена пары (см.: Cramp, Perrins

1993; Harrap, Quinn 1996). У североамериканского *S. carolinensis*, экологически очень похожего на *S. europaea*, гнездо строит одна самка (Kilham 1968).

Гнездо наблюдавшейся пары представляло собой ворох тонких пластинок коры сосны *Pinus sylvestris*, заполнявший почти треть объёма гнездовья, в котором буквально утопала насиживающая самка. В основании гнезда находились более грубые куски сосновой коры. Что удивительно, поблизости от гнезда сосны не росли, и за строительным материалом нужно было летать по крайней мере за 700 м. Кора сосны — излюбленный и практически единственный гнездовой материал у наших поползней (Бардин 1983), хотя в других регионах они используют и другие похожие по свойствам материалы. Например, гнёзда *S. e. sakhalinensis*, найденные на Сахалине (Нечаев 1991, с. 563), состояли “из пластинок коры смородины, ивы и ильма, лоскутов бересты каменной или белой берёзы, кусочков листьев осок и злаков”. Гнёзда *S. e. asiatica*, обследованные В.В.Правосудовым (1991, 1993) на р. Яна в Магаданской обл., состояли из чешуек коры лиственницы и берёзы, а в основании встречались сухие листья.

Характерно, что в гнёздах поползней никогда не бывает такого обилия паразитов (блох, личинок мух), как в гнёздах многих других дуплогнездящих — в т.ч. и у гнездившегося на соседнем дереве скворца.

Описываемое гнездо обнаружено 10 мая 1982 с насиженной кладкой из 8 яиц. Все 8 птенцов вылупились в течение первой половины дня 12 мая. Приведу описание новорождённых птенцов, согласующееся с имеющимися в литературе. Кожа телесно-розового цвета. Клюв серовато-желтоватый, яйцевой зуб белый. Ротовая полость и язык жёлтые, с возрастом их окраска становится насыщеннее. Клювные валики белые с желтоватым оттенком, с возрастом становятся чисто-белыми. Когти светло-серые. Тёмно-пепельный пух расположен на 4 пуховых птерилиях: надглазничной (длина пушинок до 11 мм, 6-10 пучков), затылочной (13 мм, 4 пучка с каждой стороны), плечевой (14 мм, 6 пучков) и спинной (до 15 мм, 6 пучков с каждым из двух рядов).

Развиваются птенцы поползня довольно медленно. Лишь в возрасте 7 сут* над поверхностью кожи начали появляться пеньки перьев (в числе первых — трубки маховых). Приоткрывать глаза птенцы начали в возрасте 10 сут. Кисточки маховых появились в возрасте 12 сут. Поверхность крыла стала сплошной (исчезли щели между большими верхними кроющими и разворачивающимися опахалами маховых) в возрасте 18 сут. В это время птенцы уже способны при опасности выпархивать из гнезда, поэтому в 16 сут работа с ними была закончена. Все восемь птенцов оставили гнездо 6 июня в течение первой половины дня, т.е. провели в гнезде 25 полных суток и вылетели на 26-е. В сводках указано, что птенцы европейских форм *S. europaea* сидят в гнезде от 18 до 28, обычно 23-24 сут (Воинственский 1954; Cramp, Perrins 1993; Harrap, Quinn 1996). В.А.Нечаев (1991) пишет, что птенцы *S. e. sakhalinensis* находятся в гнезде около 25 сут. У *S. e. asiatica* в Магаданской обл., по наблюдениям за 31 гнездом, период пребы-

* Имеется в виду полное число суток, прошедших с момента вылупления. Т.е. в день вылупления птенец имеет возраст 0 сут, на следующий день — 1 сут и т.д.

вания птенцов в гнезде был 18-22, в среднем 20 сут (Правосудов 1991). Не исключено, правда, что эти гнёзда птенцы покинули несколько раньше обычного срока, поскольку подвергались регулярному обследованию.

В целом у поползня, как и многих других воробьиных, можно говорить лишь об определённом периоде постэмбрионального развития (стадия слётка), когда происходит оставление гнезда. Характерный признак вступления молодых особей в этот возрастной период — появление в их репертуаре т.н. птенцового призывного крика. Конкретные же сроки вылета индивидуальны и варьируют в зависимости от внешних обстоятельств и комфортности условий в гнезде. При этом у разных видов стадия слётка может приходиться на разный абсолютный возраст и иметь разную продолжительность (см. также: Бардин 1985; Марковец 1991).

Самка в наблюдавшемся гнезде оказалась очень доверчивой. Когда она сидела на яйцах или птенцах, то позволяла брать себя рукой, а посаженная обратно, оставалась в гнезде. Её практически невозможно было выгнать из дуплянки, и яйца и птенцов приходилось брать из-под неё, чему птица всячески препятствовала и даже яростно клевала руку; но в то же время охотно брала из пальцев предлагаемый ей корм. Это обстоятельство крайне затрудняло работу с птенцами, поэтому наложение лигатур пришлось начать лишь через 8 сут после вылупления, когда самка стала проводить в гнезде меньше времени. Удивительная доверчивость некоторых особей (не прирученных, а совершенно диких) уже была описана у целого ряда птиц (Мальчевский 1959; Прокофьева 2002). Мне приходилось встречать таких индивидуумов ещё у пухляка *Parus montanus* и коноплянки *Cannabina cannabina*.

По сравнению с синицами, у поползня птенцы более активны и крикливы с первого дня жизни. Уже с возраста 7-8 сут писк голодных птенцов можно услышать за десяток шагов от гнездового дерева. Если птенцы не просят корм и не берут предлагаемую им пищу, самка реагирует на это обогреванием выводка. Временное снижение активности птенцов случалось и в результате наложения лигатур — самка в таких случаях неизменно садилась греть птенцов. Если в это время прилетал с кормом самец, то он отдавал пищу самке, а она или съедала его, или пыталась отдать птенцам.

С 20 по 28 мая 1982 у птенцов наблюдавшегося выводка изъято 36 порций пищи, содержащих 131 пищевой объект общей массой 9.064 г (сухая масса 2.908 г). От 8-сут птенцов взята 1 порция, от 10-сут — 5, от 11-сут — 10, от 12-сут — 8 и от 16-сут птенцов — 12 порций пищи.

Рассмотрим состав пищи по крупным таксонам.

Odonata. 1 стрекоза четырёхпятнистая *Libellula quadrimaculata*. Скармлилена с оторванной головой, но с крыльями. Сырая масса (ww) 93 мг. Стрекозы составили 0.76% от общего числа объектов (%n), 3.2% от общей сырой массы (%ww), 3.6% от общей сухой массы (%dw).

Hemiptera. 1 мелкий неопределённый клоп (0.76%n, 0.16%ww, 0.19dw).

Coleoptera. 10 жуков: 4 шелкуна Elateridae, 1 мелкий жук из Chrysomelidae, 5 жуков из Dytiscidae — 4 бороздчатых полоскуна *Asilus sulcatus* и 1 желобчатый *A. canaliculatus*, 2 маленькие личинки Dryophthoridae. Крупные жуки были частью лишены головогруды, надкрылий и ног, т.е. птенцам

скармливались практически одни брюшки, в случае полоскунов набитые яйцами. Все Coleoptera: 9.16%*n*, 16.3%*ww*, 16.4%*dw*.

Lepidoptera. 4 гусеницы: 2 *Graphiphora augur*, 1 *Blepharita satura* (Noctuidae) и 1 мелкая гусеница Tortricidae. 1 куколка Noctuidae. 3 бабочки: совка, стеклянница *Bembecia hylaeiformis* и очень мелкая “моль”. Гусеницы, куколка и мелкая бабочка скормлены целиком, от крупных бабочек птенцам были даны только брюшки. Все Lepidoptera: 6.11%*n*, 13.55%*ww*, 11.86%*dw*. Из них на стадии гусеницы: 3.05%*n*, 9.95%*ww*, 8.49%*dw*.

Diptera. Представлены только имаго. Крупные *Tipula* sp. (Tipulidae) — 66 экз. (50.38%), 50.38% от сырой массы всего корма и 54.95% от сухой. *Chironomus plumosus* (Chironomidae) — 29 экз. (22.14%), 5.22%*ww*, 5.34%*dw*. Обнаружен также 1 экз. Syrphidae. Двукрылые составили основную часть в выборке птенцового корма: 79.39%*n*, 60.44%*ww*, 61.90%*dw*.

Aranei. 5 крупных крестовиков (*Araneus angulatus* и *A. diadematus*) — 3.82%*n*, 6.35%*ww*, 5.98%*dw*.

Итак, основную долю (по сухой массе) в пище птенцов поползня занимали имаго двукрылых, прежде всего Tipulidae (62%), на втором месте были жуки (16.4%), на третьем — гусеницы (8%), на четвёртом — пауки (6%). С точки зрения, так сказать, гастрономической, 62% от массы всей пищи составили нежные имаго, 23% — грубые имаго (включая куколку) и 15% — пауки и гусеницы. Из-за небольшой величины выборки в пробах не обнаружены гастролиты и минеральный корм, в частности, раковины моллюсков, которых находили в корме птенцов поползня другие исследователи.

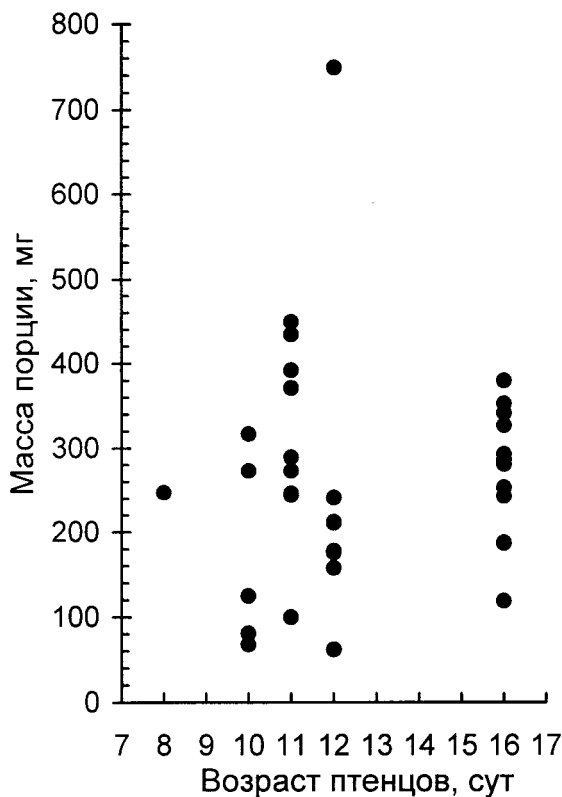

Рис. 1. Сырая масса порций корма, получаемых птенцами разного возраста.

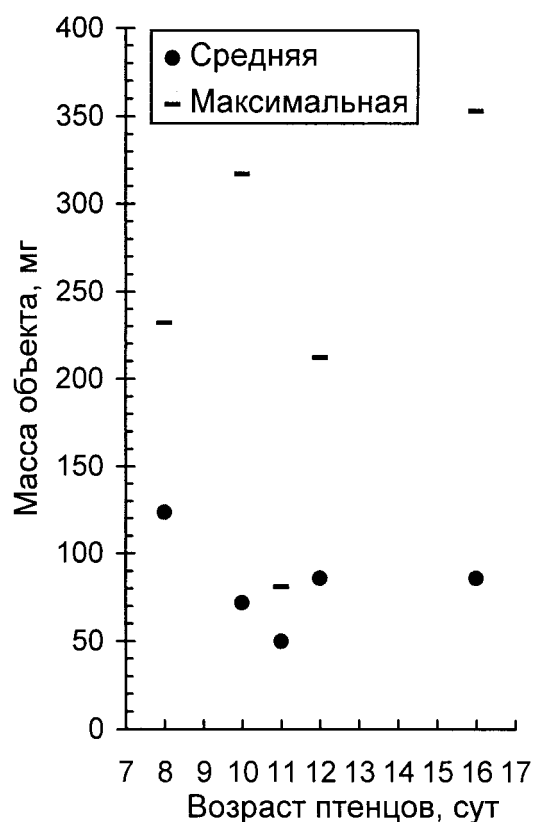

Рис. 2. Сырая масса экземпляров корма птенцов разного возраста.

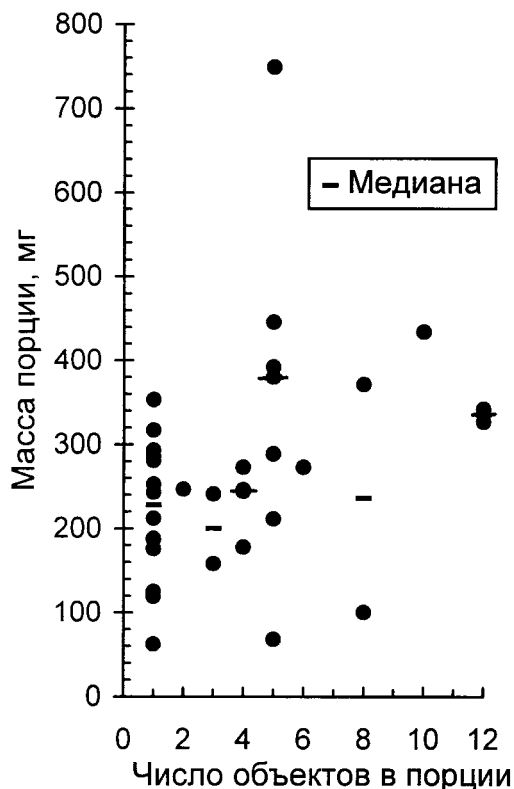

Рис. 3. Сырая масса порции корма в зависимости от числа объектов в порции.

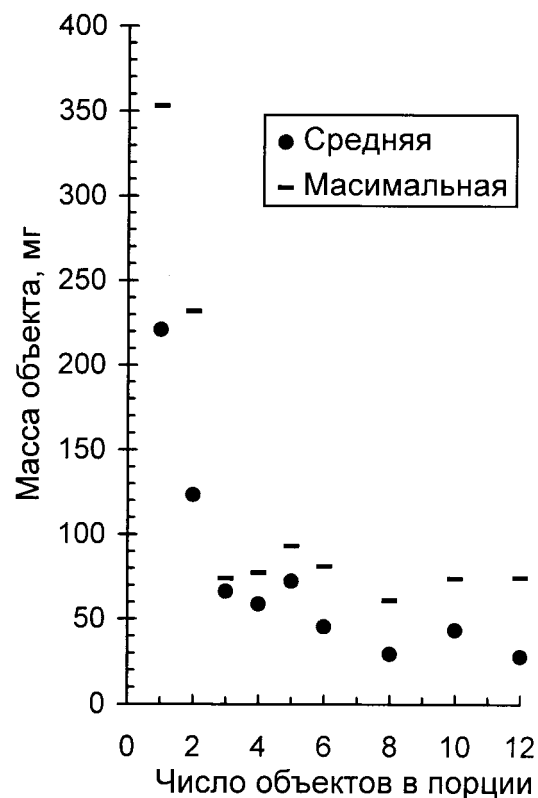

Рис. 4. Сырая масса объекта корма в зависимости от числа объектов в порции.

В изученном возрастном интервале 8-16 сут (птены уже большие, скорость прироста массы тела уменьшилась, идёт формирование оперения) масса порций, число объектов в порции и масса кормовых объектов больше зависели от конкретной кормовой ситуации, чем от возраста (рис. 1, 2). Поэтому количественные характеристики корма рассмотрим на объединённой выборке. За один раз поползни приносили птенцам от 1 до 12 пищевых объектов. В 14 порциях содержался 1 объект, в 1 порции — 2, в 2 порциях — 3, в 4 порциях — 4, в 7 порциях — 5, в 1 порции — 6, в 2 порциях — 8, в 1 порции — 10, в 2 порциях — 12 объектов. В среднем одна порция содержала 3.7 объекта (мода — 1, медиана — 3 объекта). Длина приносимых объектов достигала 40 мм (стрекоза). Из нескольких объектов в клюве взрослой птицы формировался комок, обычно имевший размеры 8×15 мм. Самый крупный комок (из комаров-долгоножек) имел размеры 10×27 мм. Сырая масса порции, приносимой взрослой птицей за один прилёт к гнезду, варьировала от 62 до 749 мг (2-3-й квартили: 87-327 мг). Средняя сырая масса порции составила 259, медиана — 247 мг. Средняя сухая масса порции — 83 мг. Таким образом, средняя масса порции корма, приносимая поползнями к гнезду за один прилёт, составляет порядка 1% их массы тела. Сырая масса одного объекта варьировала от 9 до 353 мг и в среднем была 69 мг. Средняя сухая масса объекта составила 22 мг.

Характерно, что масса порции почти не зависела от числа содержащихся в ней объектов (рис. 3), т.е. поползни набирали некую оптимальную массу пищи, с которой и летели к гнезду. Чаще всего (40% случаев) поползни приносили лишь одно насекомое или паука за один раз. Наиболее

крупные объекты встречались в порциях из одного или двух объектов. В последнем случае, судя по нескольким визуальным наблюдениям, первым добывался мелкий объект. В целом величина и масса объектов находились в обратной зависимости от их числа в порции (рис. 4). Нужно заметить, однако, что порции корма были неравнозначны. Одни можно назвать основными, доставляемыми в гнездо в определённом ритме, а другие — дополнительными, своего рода “добавкой”, дать которую родителей вынуждает реакция выпрашивания корма особо голодных птенцов, не утихнувшая после основного кормления. Эту добавочную пищу поползень за считанные секунды находит рядом с гнездом. Естественно, что такие дополнительные порции обычно меньше, и это несколько смазывает общую картину.

53 порции корма подросших птенцов (8-19 сут) на р. Луге в Ленинградской обл. в среднем содержали по 2.4 объекта (Гавлюк 1972). В 82 порциях, собранных В.А.Нечаевым (1991) на р. Айнской на Сахалине от птенцов 8-13-сут возраста, было в среднем по 1.7 объекта. В нашем случае порции корма птенцов в возрасте 8-16 сут в среднем состояли из 3.7 объекта. Во всех гнёздах, однако, поползни чаще всего приносили птенцам по одному экземпляру добычи, предпочитая охотиться на относительно крупных насекомых. В то же время в определённых условиях они способны собирать даже таких мелких насекомых, как тли (Нечаев 1991), которых на Северо-Западе России в пище поползней не находили (Прокофьева 2001).

Вслед за И.В.Прокофьевой (2001), нельзя не поражаться большому разнообразию птенцовой пищи поползней и способностью этих птиц быстро переключаться на массовые в данном месте и в данное время корма. Благодаря этому основным компонентом в выборках птенцового корма у разных выводков могут оказаться совершенно разные, экологически непохожие друг на друга беспозвоночные. Так, в Ленинградской обл. в одном гнезде в пище птенцов преобладали подёнки *Syphronurus linnaeanus* и гусеницы совок (Гавлюк 1972), в другом родители чаще всего приносили птенцам имаго Trichoptera и Plecoptera (Прокофьева 2001). На Сахалине в пище одного выводка преобладали имаго Lepidoptera и Coleoptera, другого — гусеницы зимней пяденицы *Operophtera brumata* (Нечаев 1991). В нашем случае в Калининградской обл. в целом преобладали комары-долгоножки *Tipula*. Однако на этот результат, несомненно, сильное влияние оказал и чисто случайный фактор при выборе времени сбора образцов корма. Поползни ежедневно меняли свои предпочтения, поэтому в том же гнезде — но в другое время — основным компонентом в выборке могли бы оказаться и звонцы, и стрекозы, и жуки, и гусеницы.

Переходя к вопросу о способах добывания пищи поползнями, прежде всего нужно отметить чрезвычайно высокую пластичность их кормового поведения и способность быстро осваивать новые корма. На это обращали внимание все исследователи, проводившие наблюдения за этими птицами (Осмоловская, Формозов 1950; Образцов, Королькова 1954; Кошкина 1956; Löhr 1957, 1958; Гавлюк 1972; Прокофьева 2001). В период выкармливания птенцов способы охоты поползня совершенно не соответствуют представлению о нём как высокоспециализированной птице-древолазе, предпочитающей ксилофагов (Иноземцев 1965). Он ловит беспозвоночных не только

на стволах и толстых ветвях, но схватывает их с тонких веточек и листьев, кормится на кустарниках и травянистых растениях, много времени проводит на земле.

В период выкармливания птенцов поползень часто ловит насекомых в воздухе, взлетая с ветви или ствола наподобие мухоловки. Воздушную охоту поползней я видел и в Псковской, и в Калининградской, и в Белгородской областях. Приходилось также неоднократно наблюдать, как поползни во время лёта крупных насекомых совершали и более продолжительные охотничьи полёты. Ловкость, с какой эта, казалось бы, неприспособленная к воздушной охоте птица догоняет и схватывает в полёте крупную стрекозу или бабочку, всегда изумляет. Крупных жуков (например, навозников, жуков-носорогов, майских хрущей) в воздухе схватить обычно не удаётся: сбитый жук складывает крылья и падает на землю. Поползень приземляется вслед за ним и берёт (если находит) уже на земле, а затем летит на ближайшее дерево для разделки.

В отличие от синиц, поползни никогда не используют лапы для удержания добычи при её расклёвывании*. Для этого они всегда вставляют жука или другое крупное насекомое в трещины коры ствола или ветвей — точно так же, как они поступают с орехами и желудями. Разделявая всю крупную добычу на стволах и толстых ветвях, поползни проводят там даже больше времени, чем собственно на охоте. С первого взгляда поэтому может сложиться ложное впечатление, что они на стволах и сучьях занимаются не разделкой добытых в других местах насекомых, а добывают новых из трещин коры. Хотя на очень крупные объекты поползни охотятся довольно редко, при исследовании содержимого их желудков встречаемость крупных форм, несомненно, ещё более занижается, поскольку птицы съедают их по кусочкам, отбрасывая голову, ноги, надкрылья, а порой лакомятся лишь одним содержимым брюшка, которое во вскрытом желудке идентифицировать очень трудно.

Иногда, поймав крупное насекомое, поползень засовывает его в щель коры и продолжает охоту. Вскоре он возвращается и берёт припрятанную добычу, соединяя её в одну порцию с только что пойманной. Когда птенцы сыты и не берут корм, поползень тоже может припрятать принесённый корм, чтобы скормить его птенцам чуть позже. Учитывая сильно выраженный у поползня инстинкт запасаения корма, такое поведение не удивительно. Однако, если не считать этих отрывочных наблюдений, запасательное поведение поползня в гнездовой сезон совершенно не изучено.

Звонцов и комаров-долгоножек находившиеся под наблюдением поползни собирали на стволах деревьев; долгоножек они ловили и в воздухе. Водных жуков полоскунов им, вероятно, удалось найти в то время, когда они выползали из воды для откладки яиц (в их брюшках находились яйца). Одну бабочку совку поползень достал из ловчей сети паука-крестовика.

* Однако Э.В.Гавлюк (1972, с. 20), описывая воздушную охоту поползня, пишет следующее: “Кроме обычного поиска корма на стволах и толстых ветках, поползень иногда подстерегает добычу, сидя на каком-либо сучке. Заметив летящее насекомое, стремительно летит за ним, поймав, отлетает на некоторое расстояние и, сидя на ветке, зажимает добычу лапами и обрабатывает её”.

Кстати сказать, такой своеобразный способ добывания летающих насекомых, ещё не отмеченный в литературе, я часто наблюдал у больших синиц *Parus major*, за которыми вёл длительные наблюдения. В лесах Куршской косы, где благодаря регулярным массовым вылетам хирономид поддерживается поразительно высокая плотность пауков, в частности крестовиков, проверка ловчих сетей наряду с добыванием их хозяев — достаточно эффективный способ добычи корма для особей, научившихся этому приёму.

Корм для птенцов поползни собирают с такой же жадностью, с какой они осенью занимаются запасанием корма. Они менее разборчивы в отношении качества пищи для птенцов, чем, например, синицы, и хватают всё, что кажется съедобным. Поэтому они часто кормят птенцов более грубой пищей, чем едят сами. Находясь всегда в спешке, они если и разделявают добычу перед тем, как скормить её птенцам, то лишь для того, чтобы она могла пролезть им в глотку. При этом они быстро находят новые источники корма и легко переключаются на новые виды пищи, в том числе антропогенного происхождения (Löhr 1957, 1958, 1988; Прокофьева 1998, 2001, 2002). Весьма скудные данные, имеющиеся в литературе, свидетельствуют о том, что поползни во время выкармливания птенцов используют настолько широкий набор кормов, что для этого сезона невозможно говорить о какой-либо трофической специализации, свойственной этому виду. В то же время мы сталкиваемся с ярко выраженной индивидуальной специализацией, когда каждая гнездящаяся пара использует весьма ограниченный набор кормов, часто совершенно непохожий на рацион других пар.

Литература

- Бардин А.В. 1983. Семейство Поползни — Sittidae // *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана* / А.С.Мальчевский, Ю.Б.Пукинский. Л., 2: 299-304.
- Бардин А.В. 1985. Рост и развитие птенцов саксаульной сойки // *Орнитология* 20: 42-52.
- Бардин А.В., Ильина Т.А., Литвинова Е.О., Смирнова Т.В. 1991. Питание гнездовых птенцов веснички (*Phylloscopus trochilus*) и трещотки (*Ph. sibilatrix*) на Куршской косе // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 231: 3-25.
- Благосклонов К.Н. 1991. *Гнездование и привлечение птиц в сады и парки*. М.: 1-251.
- Бутурлин С.А. 1916. Краткий обзор семейства поползней (Sittidae) // *Тр. Петрогр. общ-ва естествоиспыт.* 44, 2: 143-173.
- Воинственский М.А. 1954. Семейство Поползни Sittidae // *Птиц Советского Союза*. М., 5: 710-725.
- Гавлюк Э.В. 1972. О питании птенцов поползня в условиях Ленинградской области // *Научн. докл. высш. школы. Биол. науки* 1: 19-21.
- Иноземцев А.А. 1965. Значение высокоспециализированных птиц-древозлазов в лесном биоценозе // *Орнитология* 7: 416-436.
- Кошкина Т.В. 1956. Изменение фауны в усыхающих дубняках и роль насекомоядных птиц в жизни этих лесов // *Материалы к познанию фауны и флоры СССР*. М.: 166-216.
- Мальчевский А.С. 1959. *Гнездовая жизнь певчих птиц: Размножение и постэмбриональное развитие лесных воробьиных птиц Европейской части СССР*. Л.: 1-282.
- Марковец М.Ю. 1991. Затраты времени на различные типы активности и поведение молодых больших синиц (*Parus major*) после вылета из гнезда // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 231: 138-147.
- Нечаев В.А. 1991. *Птицы острова Сахалин*. Владивосток: 1-748.

- Новиков Г.А. 2001. Теоретические основы и методы изучения питания и трофических связей млекопитающих и птиц // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. **154**: 673-687.
- Образцов Б.В., Королькова Г.Е. 1954. Материалы по летне-осеннему питанию птиц Теллермановского опытного лесничества (Борисоглебский массив) // *Тр. Ин-та леса АН СССР* **16**: 192-209.
- Осмоловская В.И., Формозов А.Н. 1950. Очерки экологии некоторых полезных птиц леса // *Птицы и вредители леса*. М.: 34-142.
- Поливанова Н.Н. 2000. Географические особенности экологии и охраны птиц заповедников Дальнего Востока, Центральной России и Кавказа // *Тр. Тебердинского заповедника* **18**: 9-100.
- Правосудов В.В. 1991. Рост и развитие птенцов поползня (*Sitta europaea asiatica*) // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **231**: 159-173.
- (Правосудов В.В.) Pravosudov V.V. 1993. Breeding biology of the Eurasian Nuthatch in northeastern Siberia // *Wilson Bull.* **195**, 3: 475-48.
- Прокофьева И.В. 1998. Использование пищевых отходов человека воробьиными птицами в летнее время // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. **48**: 3-9.
- Прокофьева И.В. 2001. Забота о птенцах и питание поползней *Sitta europaea* // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. **168**: 1019-1027.
- Прокофьева И.В. 2002. Нетипичное устройство гнёзд и необычное поведение некоторых птиц в гнездовой период // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. **186**: 484-493.
- Рахилин В.К. 2001. Пища — ведущий фактор в видообразовании и эволюции птиц // *Достижения и проблемы орнитологии Северной Евразии на рубеже веков* / Е.Н.Курочкин, И.И.Рахимов (ред.). Казань: 182-186.
- Федюшин А.В., Долбик М.С. 1967. *Птицы Белоруссии*. Минск: 1-520.
- Степанян Л.С. 1978. *Состав и распределение птиц фауны СССР: Воробьинообразные Passeriformes*. М.: 1-392.
- Султанов Э.Г., Мухтаров Х.М. 1995. Гнездостроительное поведение обыкновенного поползня в период размножения // *Кавказ. орнитол. вестн.* **7**: 61-62.
- Cramp S., Perrins C.M. (eds) 1993. *Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa: The Birds of the Western Palearctic*. Vol. 7. Flycatchers to Shrikes. Oxford Univ. Press: 1-577.
- Harrap S., Quinn D. 1996. *Tits, Nuthatches and Treecreepers*. London: 1-464.
- Kilham L. 1968. Reproductive behavior of White-breasted Nuthatches. I. Distraction display, bill-sweeping, and nest-hole defense // *Auk* **85**: 477-49.
- Löhr H. 1957. *Der Kleiber*. Wittenberg Lutherstadt, Ziemsen: 1-66.
- Löhr H. 1958. Das Verhalten des Kleibers (*Sitta europaea caesia* Wolf) // *Z. Tierpsych.* **15**: 191-252.
- Löhr H. 1988. Etho-ökologische Untersuchungen an verschiedenen Kleiberarten (Sittidae): Eine vergleichende Zusammenstellung // *Bonner Zool. Monogr.* **26**: 1-208.
- Vaurie Ch. 1959. *The Birds of the Palearctic Fauna: A systematic reference. Order Passeriformes*. London: 1-762.

Первая гнездовая находка балобана *Falco cherrug* на крайнем юго-западе Уссурийского края

А.Б.Курдюков

Биолого-почвенный институт, Дальневосточное отделение Российской Академии наук, Проспект 100 лет Владивостоку, д. 159, Владивосток, 690022, Россия

Поступила в редакцию 7 сентября 2002

Область гнездового распространения монгольского подвида балобана *Falco cherrug milvipes* Jerdon, 1871 на востоке до сих пор слабо исследована, обычно её границу проводят до восточных окраин Монгольской Народной Республики (район озера Буйр-Нуур) и до Большого Хингана (смежные районы Внутренней Монголии); на крайнем северо-востоке она захватывает Южное Забайкалье (Дементьев 1951; Степанян 1990; Vaurie 1965; Cheng Tso-hsin 1987; MacKinnon, Phillipps 2000). В период миграций балобана отмечали в северо-восточном Китае: в западной Маньчжурии (Yamashina 1939), в окрестностях Пекина (Дементьев 1951), в провинции Ляонин (окрестности г. Даньдун), в провинции Хэбэй (Cheng Tso-hsin 1987). Встречи балобана на Корейском полуострове принято рассматривать как залёты (Austin 1948; Won Hong-Koo 1956; Vaurie 1965; Won Pyong-Oh 2000; Tomek 1999).

До недавнего времени балобан не был известен для Уссурийского края, хотя на возможность его залёта сюда указывал ещё Л.М.Шульпин (1936). Впервые одиночные особи этого вида были зарегистрированы в начале октября 1994 и 1995 среди открытого ландшафта в Октябрьском р-не Уссурийского края и на территории к востоку от г. Уссурийска (Глущенко, Куриный 2000). Не исключено, что прежде балобанов “пропускали”, издали принимая за молодых сапсанов или кречетов.

Нами балобан неожиданно был найден на гнездовье в восточных отрогах Борисовского плато, примерно в 45 км к юго-западу от г. Уссурийска. Это новое местонахождение почти на 1000 км отодвигает восточную границу гнездовой части ареала этого вида.

Гнездо балобана мы нашли 6 мая 2001 в скальном массиве с общей высотой вертикального обрыва около 50 м. Оно располагалось в глубокой закрытой нише на высоте 20 м от подножья. Обрывы занимают верхнюю треть водораздельных склонов, обрамляющих неширокую речную долину. Сами склоны и крупнообломочная осыпь внизу поросли лесом. Судя по внешнему виду гнезда и старым пищевым остаткам под ним, соколы гнездились здесь уже несколько лет. Однако В.А.Нечаев (устн. сообщ.), проводивший здесь исследования 24-26 апреля 1981 и обследовавший именно эти скалы, балобана не обнаружил. Маловероятно, чтобы этот сокол остался им незамеченным, если гнезвился.

При нашем появлении самка балобана находилась поблизости. Около 18 ч прилетел самец с добычей и прямо в воздухе передал её самке. Пока мы были рядом с гнездом, обе птицы сильно беспокоились, молча летая

кругами и не решаясь подлететь к нему. Но стоило нам немного отступить в лес, как самка с кормом почти сразу влетела в гнездо. Оттуда был отчетливо слышен слабый писк птенцов. При повторном посещении гнезда 31 мая 2001 мы застали уже покинувших гнездо слётков. Они неплохо перелетали вдоль скал, обычно не дальше 100 м, но маховые и рулевые ещё не вполне доросли. В выводке было не меньше 2 слётков. Точнее сосчитать их число не удалось.

На следующий год пара балобанов снова гнездилась в этом месте, заняв ту же скальную нишу. Судя по слабому писку, 2 мая 2002 в гнезде уже были птенцы. За время наблюдений у гнезда — 1 мая с 16³⁰ до 19⁰⁰ и 2 мая с 8³⁰ до 15⁰⁰ — самец приносил добычу (большую горлицу и мышевидного грызуна) дважды: в 17³⁰ и 10⁴⁵. При этом один раз он бросил добычу на ровную площадку на вершине обрыва, куда за ней тут же спустилась самка, другой раз передал корм самке в воздухе. 19 июня 2002 мы встретили здесь 2 молодых, находившихся на попечении родителей. Они предпочитали сидеть на скалах немного в стороне от гнезда, где вертикальные обрывы были не сплошными, а имели уступы, поросшие деревьями и кустарниками.

Местность, где гнездится балобан, расположена в области интеграции леса и антропогенной “лесостепи” по границе между обширными территориями повсеместного доминирования открытого ландшафта на юго-западе Уссурийского края (включая северные участки Борисовского плато и районы к северу и востоку от него до Приханкайско-Раздольненской равнины) и сплошными лесными массивами в центральных и южных районах плато. Однако в радиусе 9-11 км от гнезда местность носит типично лесной характер, лишь по речным долинам сюда вклиниваются небольшие (10-60 га), окруженные лесом пустоши на месте старых корейских полей (1864-1937 гг.), некоторые из которых используются как сельскохозяйственные угодья и по сей день. На плакоре достаточно обширные (150-700 га) остепнённые участки располагаются по окраине, а к центру они становятся всё мельче (30-150 га); лес же, напротив, к центру становится лучше — континуум, заданный регулярными осенне-весенними палами.

Индивидуальная вариация окраски балобанов весьма значительна (Деметьев, Шагдарсурэн 1964), поэтому определение подвидов возможно только по серии экземпляров, что в нашем случае невозможно. Мы относим встреченных балобанов к монгольскому подвиду лишь исходя из географического распространения подвидов и по некоторым деталям их окраски.

Обе птицы из пары светлой морфы. Характерные признаки формы *milvipes* выражены слабо. Самец (описание 2002 года) в целом заметно светлее самки; тёмно-бурые пятна, образующие рисунок на нижней стороне тела, отсутствуют на горле и очень редки на груди; штрихи сконцентрированы по бокам груди и брюха, а на перьях голени пятна приобретают поперечно-вытянутую форму. Верхняя сторона тела однообразно бурая с хорошо заметным светло-охристым окаймлением перьев. Поперечный рисунок на спине при наблюдении в природе совершенно не различим. Перья в области крестца и рулевые заметно светлее спины, пепельно-сизый оттенок не выражен. Центральная пара рулевых однообразно-бурая, без поперечного рисунка. На остальных рулевых перьях имеются узкие охристые

поперечные пятна и неширокие серо-бурые поперечные полосы. Все рулевые со светло-охристой вершиной, образующей хорошо заметную полосу. Голова значительно светлее спины, “усы” тёмные, чётко выраженные.

У самки (описание 2002 года) чистое, без пятен, горло; соотношение тёмно-бурых штрихов и белого поля на нижней стороне тела примерно равное. Верхняя сторона однообразно бурая, почти без рисунка, лишь с неясным более светлым окаймлением перьев. Перья в области крестца и рулевые точно такого же цвета, как спина. Центральные рулевые однообразно бурые, на остальных — нечёткие узкие тёмные полосы, охристые пятна отсутствуют. Все рулевые перья имеют сравнительно широкую охристую вершину. Маховые однообразно бурые, без рисунка. Верх головы темнее, чем у самца, бурые “усы” чётко выражены.

Молодые птицы по окраске походили на самку из наблюдавшейся пары. Они были так же однообразно окрашены сверху, тёмно-бурые, с нечётким охристо-рыжеватым окаймлением перьев. Однако цвета были темнее и ярче, чем у взрослой птицы, очевидно, из-за свежести оперения. Маховые однообразно бурые с беловатыми каймами по краю. Рулевые бурые с беловато-охристой вершиной, слабо развитым тёмным поперечным рисунком и узкими охристыми пятнами на всех перьях, кроме центральной пары. Окраска головы — как у взрослой самки, и тот же тип рисунка на нижней стороне тела.

Таблица 1. Состав пищи балобана на крайнем юго-западе Уссурийского края

Вид	Число экз.	Вид	Число экз.
Птицы Aves		<i>Turdus</i> sp.	3
<i>Tetrastes bonasia</i>	1	? <i>Bucanetes mongolicus</i>	1
<i>Coturnix japonica</i>	1	<i>Coccothraustes coccothraustes</i>	5
<i>Phasianus colchicus</i>	1	Прочие Passeriformes	3
<i>Tringa ochropus</i>	1	Aves indet. (с голубя)	1
<i>Asio flammeus</i>	1	Млекопитающие Mammalia	
<i>Columba rupestris</i>	21	<i>Microtus fortis</i>	27
<i>Columba livia</i>	13	<i>Apodemus agrarius</i>	1
<i>Columba</i> sp.	14	<i>Rattus norvegicus</i>	1
<i>Streptopelia orientalis</i>	9	Насекомые Insecta	
<i>Corvus macrorhynchos</i>	1	Жесткокрылые Coleoptera	4

Около гнезда мы собрали 34 погадки и 56 поедей и определили остатки жертв (см. таблицу). В добыче наблюдавшихся балобанов заметно преобладали голубиные птицы, на долю которых приходилось 47.5% от общего числа экземпляров жертв (или 33%, если рассматривать только погадки). Отсюда можно сделать вывод, что балобаны специализировались на охоте на голубей. Интересно, что в 2001 году среди жертв преобладали скалистые голуби *Columba rupestris* (11 экз.), отмечены лишь 3 большие горлицы *Streptopelia orientalis* и совсем не найдены сизые голуби *C. livia* (домашняя форма). В тот год на скалах возле гнезда балобанов существовала гнездовая

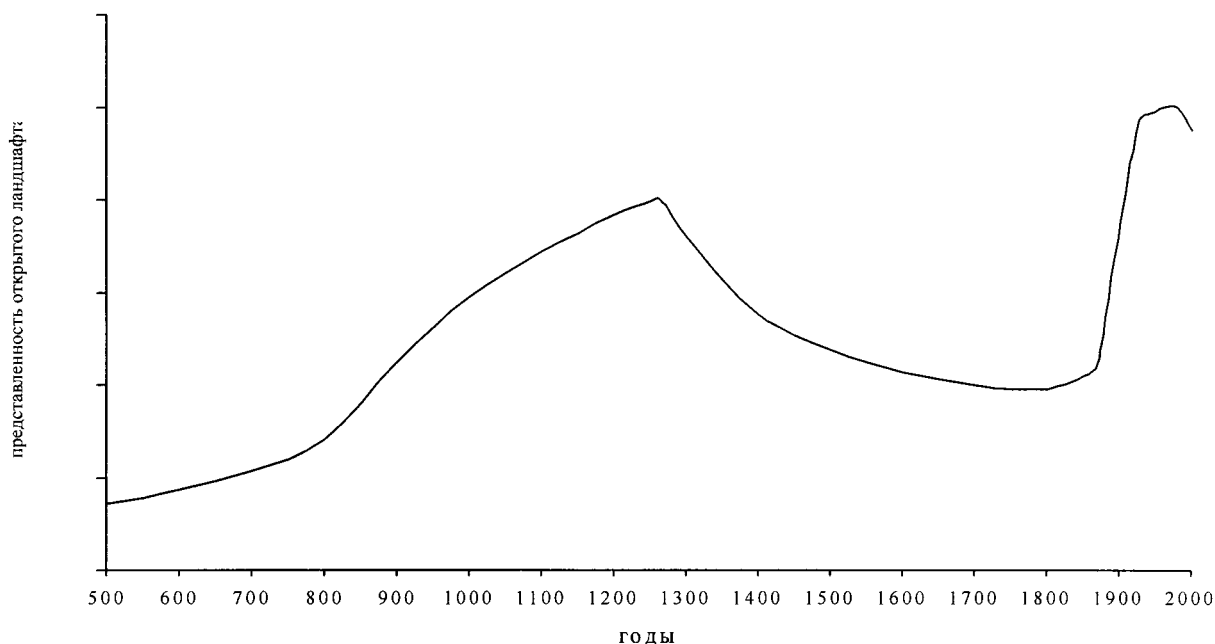
колония примерно из 10 пар скалистых голубей. Судя по скопившемуся помёту, колония существовала уже не один год. Однако в 2002 году скалистые голуби здесь уже не гнездились. Весной скалистые голуби ещё часто встречались в поедях соколов, но в середине лета балобаны переключились на добывание сизых голубей. Ближайший населённый пункт и сельскохозяйственные поля, где их можно найти, расположены в 20 км от гнезда.

Всего на долю птиц приходится 70% от общего числа собранных экземпляров, на долю мышевидных грызунов — 27% и на долю жуков Coleoptera — 3%. Однако в погадках соотношение этих групп иное: 50% составляют птицы (73.1% по массе), 42% — мышевидные грызуны (26.7% по массе) и 8% — жёсткокрылые (0.2% по массе). Разница, очевидно, объясняется большей лёгкостью обнаружения останков птиц в поедях. В среднем на одну погадку приходится 1.6 объекта.

Интересна находка на “кормовом столике” балобана маховых перьев, которые не принадлежат ни одной из известных для нашего региона птиц и были определены нами как перья монгольского пустынного снегиря *Bucanetes mongolicus*, до сих пор не отмеченного в пределах Уссурийского края (Нечаев 1998). Эти перья имеют следующие характерные для монгольского пустынного снегиря диагностические признаки: белое пятно на наружном и внутреннем опахалах второстепенных маховых, лёгкий розовый налёт на светлых участках пера (Newton 1972; Козлова 1975). Размеры перьев совпадают с таковыми экземпляра *B. mongolicus*, хранящегося в коллекции зоологического музея Биолого-почвенного института ДВО РАН.

Во взаимоотношениях балобана с другими хищными птицами отметим случай, когда 19 июня 2002 самец балобана встретил пару взрослых беркутов *Aquila chrysaetos* ещё за 1-2 км от своего гнезда и сопровождал их, пока те не удалились на достаточное расстояние. В тот же день на скалах, где сидели молодые балобаны, был замечен самец пустельги *Falco tinnunculus*. Опасность для молодых балобанов может представлять филин *Bubo bubo*, сравнительно обычный в данном районе (Нечаев 1985). Однако случаи нападения филина на соколов нам не известны. Болотная сова *Asio flammeus* была отмечена в добыче балобана (см. таблицу).

Климатические особенности Уссурийского края наиболее благоприятствуют развитию лесной растительности. Происхождение подавляющего, если не абсолютного большинства открытых пространств на западе края так или иначе связано с хозяйственной деятельностью человека. Для балобана последняя сыграла здесь положительную роль, создав на юго-западе края обширные территории, ныне совершенно лишённые сплошных лесов. Современный ландшафт здесь принял облик степи. В данном случае мы сталкиваемся с примером обогащающего влияния хозяйственной деятельности человека на видовое богатство местной орнитофауны (Назаренко 1999). История распространения открытого ландшафта на юго-западе Уссурийского края представляется нам следующим образом (см. рисунок). Последний этап активного сельскохозяйственного освоения территории, начавшийся с совместного русско-корейского заселения и, отчасти, китайского отходничества (1800, 1870-1930), на наш взгляд, создал наиболее благоприятные условия для проникновения балобана в Уссурийский край.

История экспансии открытого ландшафта на юго-западе Уссурийского края, связанной с хозяйственной деятельностью человека (модель).

По источникам: Маак 1861; Краснов 1894; Будищев 1898; Пржевальский 1947; Розенберг, Колесников 1958; Окладников 1959; История ДВ СССР... 1989, 1991; Яннковский 1992; Приморский край... 1997).

Западные районы Уссурийского края являются восточной окраиной ареала балобана, и встречается он здесь единичными парами. Специально отметим, что несмотря на достаточно энергичные и продолжительные орнитологические исследования на юге Уссурийского края, балобан не был отмечен здесь до середины 1990-х. Среди практических мер охраны пока предлагается внести балобана в готовящуюся Красную книгу Уссурийского края, на Борисовском плато планируется создание национального парка (Борисовское плато... 1999). Я призываю местных орнитологов и любителей птиц осознать моральную ответственность за сохранение этого уязвимого и активно преследуемого вида и дать балобану шанс закрепиться в Уссурийском крае.

Литература

- Борисовское плато: эколого-экономическое обоснование создания охраняемой природной территории.* 1999. Владивосток: 1-112.
- Будищев А.Ф. 1898. Описание лесов Приморской области // *Сборн. главн. офиц. документов по управлению Восточной Сибирью.* Хабаровск, 2: 1-297.
- Глущенко Ю.Н., Куриный В.Н. 2000. Случай залета балобана в Южное Приморье // *Животный и растительный мир Дальнего Востока.* Уссурийск, 4: 94.
- Дементьев Г.П. 1951. Отряд хищные птицы Accipitres или Falconiformes // *Птицы Советского Союза.* М., 1: 70-341.
- Дементьев Г.П., Шагдарсурэн А. 1964. О монгольских балобанах и о таксономическом положении алтайского кречета // *Сб. тр. Зоол. музея Моск. ун-та* 9: 3-37.
- История Дальнего Востока СССР от эпохи первобытного общества до 80-х годов XX века.* 1989 / А.И.Крушанов (отв. ред.). М., 1: 1-471.
- История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. - февраль 1917 г.).* 1991. / А.И.Крушанов (отв. ред.). М., 2: 1-471.
- Козлова Е.В. 1975. *Птицы зональных степей и пустынь центральной Азии.* Л.: 1-250.

- Краснов А.Н. 1894. Травяные степи Северного полушария // *Изв. общ-ва любителей естествознания и этнографии при Моск. ун-те. Тр. Географ. отд.* **32**, 1: 1-292.
- Маак Р. 1861. *Путешествие по долине реки Уссури*. Спб., 1: 1-344.
- Назаренко А.А. 1999. Хозяйственная деятельность как фактор роста разнообразия фаун и сообществ на восточной окраине Азии: приглашение к дискуссии // *Вест. ДВО РАН* 1: 22-30.
- Нечаев В.А. 1985. Гнездование филина — *Vubo vubo* (L.) в долине реки Борисовка (Южное Приморье) // *Редкие и исчезающие птицы Дальнего Востока*. Владивосток: 77-80.
- Нечаев В.А. 1998. *Список птиц Приморского края*. Владивосток: 1-44.
- Окладников А.П. 1959. *Далекое прошлое Приморья (очерк по древней и средневековой истории Приморского края)*. Владивосток: 1-291.
- Пржевальский Н.М. 1947. *Путешествие в Уссурийском крае, 1867-1869*. Спб.
- Приморский край: краткий энциклопедический справочник*. 1997. Владивосток: 1-596.
- Розенберг В.А., Колесников Б.П. 1958. Порослевые древесно-кустарниковые заросли малолесных районов Приморского края // *Вопросы реконструкции и повышения продуктивности лесов Дальнего Востока* **4**, 6: 5-45.
- Степанян Л.С. 1990. *Конспект орнитологической фауны СССР*. М.: 1-728.
- Шульпин Л.М. 1936. *Промысловые, охотничьи и хищные птицы Приморья*. Владивосток: 1-436.
- Янковский М. 1992. О гарантировании природных богатств от уничтожения и истощения // *Рубеж. Тихоокеанский альманах* 1(863): 336-339.
- Austin O.L. 1948. The Birds of Korea // *Bull. Mus. Comp. Zool. Cambridge* **101**: 1-301.
- Cheng Tso-hsin 1987. *A Synopsis of the avifauna of China*. Peking, Hamburg, Berlin.
- MacKinnon J., Phillips K. 2000. *A Field Guide to the Birds of China*. Oxford.
- Newton I. 1972. *Finches*. Collins, London.
- Tomek T. 1999. The birds of North Korea. Non-Passeriformes // *Acta zool. cracov.* **42**, 1: 1-217.
- Vaurie Ch. 1965. *The birds of the Palearctic fauna. Non-Passeriformes*. Witherby, London.
- Won Hong-Koo 1956. [Распространение корейских птиц и их экономическое значение]. Pyongyang (корейск.).
- Won Pyong-Oh 2000. Checklist of the birds of Korea // *Bull. Korea Assn Wildlife Cons.* **2**: 145-161.
- Yamashina M.Y. 1939. Note on the specimens of Manchurian birds chiefly made by Mr. Hyojiro Oori in 1935 // *Tori* **10**, 49: 446-544.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2002, Экспресс-выпуск **192**: 716-718

Заметка о некоторых птицах Псковской губернии

Е.И.Исполатов

Второе издание. Первая публикация в 1917*

Sturnus sophiae Bianchii. 2 января 1916 около 3 ч дня я наблюдал в г. Опочке из окна своей квартиры, как один скворец прилетел с поля от реки Великой в мой сад и без долгих размышлений забрался в находящуюся

* Исполатов Е.И. 1917. Заметка о некоторых птицах Псковской губернии // *Орнитол. вестн.* **8**, 3/4: 201-202.

на ясене скворешницу. В этот день был мороз более 10°. Куда делся затем этот скворец, мне не удалось заметить. Такой несвоевременный прилёт находился, по всей видимости, в связи с боевыми действиями в Малой Азии.

Fringilla coelebs L. Единичные зяблики наблюдались 10, 12 и 27 декабря 1911 в г. Опочке.

Fringilla montifringilla L. Одиночный поющий вьюрок наблюдался близ г. Опочки в Чурмановской казённой даче 26 апреля 1914. Пение его походило на начальные звуки песни зяблика. Так как подобного пения мне не случалось слышать от вьюрков северной России, то, надо думать, этот вьюрок заимствовал песню у своего родственника. Случаи нахождения *F. montifringilla* в Псковской губернии вне пролётного времени не редки. Так, в конце июля 1898 я нашёл одного мёртвого вьюрка близ г. Пскова, на берегу р. Кебь.

Pyrrhula pyrrhula L. Снегири гнездятся в наиболее диких лесах Опочецкого уезда. Так, 19 мая 1913 я нашёл в Гривско-Бличинской даче одно гнездо с 6 немного насиженными яйцами. Гнездо помещалось на ели, на высоте 2¹/₂ арш. Гнездо состояло из тонких еловых прутьев, снаружи более грубых, внутри более тонких. Лоточек выложен исключительно лишайём *Usnea barbata*. Яйца по светло-зелёному фону были покрыты бурыми пятнышками и тёмно-бурыми и чёрными точками, “запятые” и пятнышками. На яйцах сидела самка (вечером).

Acanthopneuste viridana Blyth. 6 июня 1915 утром я наблюдал в городе Опочке в саду одного самца, который с громким пением перепархивал с дерева на дерево, продвигаясь к северо-востоку. И в предыдущие дни, просыпаясь на заре, я слышал за окном пение зелёных пеночек, но не был уверен, что не ошибся. За всё время с 1911 года больше не случалось наблюдать этой птички.

Ampelis garrulus L. 25 апреля 1914 в г. Опочке наблюдался пролётный свиристель, а перед этим, 18 апреля целую стаю их я видел около Пскова. Это подтверждает наблюдение Н.А.Зарудного о позднем пролёте свиристелей.

Ruticilla phoenicura L. 7 июня 1916 нашёл гнездо этой птички в сосновом лесу (на опушке) в земле, в углублении под корнями сгнившего пня. Птенцы уже начинали перепархивать. Это уже второй случай нахождения гнезда горихвостки в таком необычном месте. Впервые я нашёл в 1895 году в окрестностях Черёхи близ Пскова.

Picoides tridactylus L. 18 октября 1914 в горелом лесу в имении Ваулино Копылковской волости Опочецкого уезда было встречено много трёхпалых дятлов, так что на пространстве около ¹/₄ десятины можно было насчитать штук 5-6. Следовательно, эти дятлы составляли стаю. Несколько дней спустя мне доставили двух убитых самок. Место наблюдения расположено на границе Витебской губернии и Великолуцкого уезда.

Vanellus vanellus L. Старший лесной ревизор Б.К.Фронцкевич наблюдал в 1916 году прилётных чибисов на границе Опочецкого и Островского уездов необычайно рано — 29 февраля (около с. Горай).

Aesalon aesalon Tunst. Гнездо дербника найдено было мною 11 мая 1915 в Гривско-Бличинской казённой даче. Гнездо помещалось на моховом

болоте, на вершине сосны, на высоте 2¹/₂ сажен. Гнездо было построено из прутьев; лоточек был выложен лишайём *Usnea barbata* и щепками. В гнезде находилось 5 порядочно насиженных яиц. Сокол держался весьма осторожно и не подлетал близко к гнезду.

Circus cyaneus L. Прилётный лунь, принадлежащий, вероятно, к этому виду, светло-сизый самец наблюдался в 1914 году в окрестностях Опочки весьма рано — 9 марта.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2002, Экспресс-выпуск 192: 718

О встрече степного луня *Circus macrourus* в окрестностях Санкт-Петербурга

И.Б.Савинич

Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 27 августа 2002

Утром 17 августа 2002 около дер. Нижняя Бронна (у южного берега Финского залива, между ж.-д. станциями Ораниенбаум и Большая Ижора) был отмечен взрослый самец степного луня *Circus macrourus*. Птица неспешно пролетела над обширным полем на высоте 10-15 м. Удалось хорошо рассмотреть определительные признаки вида: чёрное клиновидное пятно на вершине крыла и неясные поперечные полосы на хвосте.

Встречи степного луня в карельском Приладожье (Олонецкие поля) и в южной Финляндии в последние годы стали регулярными (Зимин и др. 1997а,б). Однако на территории Ленинградской области этот вид регистрируется впервые с июля 1953, когда степного луня наблюдали у ст. Чолово (Мальчевский, Пукинский 1983, с. 174).

Литература

- Зимин В.Б., Ламми Э., Хейсканен И., Рейникайнен К. 1997а. Степной лунь *Circus macrourus* в Карелии // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 19: 20-22.
Зимин В.Б., Лапшин Н.В., Артемьев А.В. 1997б. Птицы, наблюдавшиеся весной 1996 на полях Олонецкой равнины Карелии // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 8: 13-16.
Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана.* Л., 1: 1-480.

Уссурийский зуёк *Aegialitis placida* Gray

С.А. Бутурлин

Второе издание. Первая публикация в 1910*

По-видимому, уссурийский зуёк *Aegialitis placida* Gray окажется одной из тех “редких” птиц, которые редкими считаются только потому, что обитают пределы Российской Империи, где людям некогда заниматься такими пустяками, как изучение родной природы. По крайней мере из пяти экземпляров короткоклювых куличков с тёмной (у взрослых чёрной) полосой поперёк груди и белым кругом всей шеи ошейником — четыре оказались принадлежащими к этому виду. Все добыты С.Дюкиным на низовье р. Тютихэ (3 и 23 мая, 25 июня 1909; №№ 13, 60, 61 и 68).

До сих пор этот зуёк в наших пределах был добыт: г. Янковским, 1 экземпляр — 17 марта 1878 на острове Аскольде; г. Калиновским, 1 экз. — 11 июня 1885 в Сидеми, и г. Дёррис, пара — в марте в устьях Амура. 12 марта 1909 г. А.Медведев наблюдал его около урочища Славянка.

Так как яйца уссурийского зуйка описаны недавно, лишь из Японии и по небольшому числу экземпляров, а пуховые птенцы и нравы во время гнездования вовсе не описаны, то, в виду желательности дальнейших наблюдений над этой птицей, не лишне будет сказать, что уссурийский зуёк по окраске оперения совершенно похож как на зуйка-галстучника *Aegialitis hiaticula* (L.), так и на малого зуйка *A. dubius* (Scop.) (или *A. minor* M. et W.). Различать их, однако, нетрудно: у малого зуйка крыло в пределах $4\frac{1}{4}$ — $4\frac{3}{4}$ дюйма, клюв почти весь чёрный, по краям век жёлтое кольцо, стержень первого махового весь белый; у галстучника крыло около $4\frac{3}{4}$ — $5\frac{1}{4}$ дюйма, основная половина обеих челюстей жёлтая, веки без жёлтого кольца, стержни нескольких первостепенных махов белы в средних частях, второстепенные внутренние махи белы более или менее, внутренние из первостепенных махов белы близ оснований внешнего опахала; уссурийский зуёк имеет крыло около $5\frac{1}{4}$ — $5\frac{3}{4}$ дюйма, клюв весь почти чёрный, веки без жёлтого кольца, стержни махов буры, лишь у первого в средней части стержень беловатый, все второстепенные махи со значительным преобладанием бурого, а внешние опахала внутренних из первостепенных без белого.

* Бутурлин С.А. 1910. Уссурийский зуёк // Орнитол. вестн. 1, 4: 266-267.